

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части второй статьи 128¹
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданки Роговой Лилии Геннадьевны

город Санкт-Петербург

4 декабря 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого,
Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции
Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и
четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и
99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде
Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части второй статьи 128¹ УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Л.Г.Роговой.
Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции
Российской Федерации оспариваемое заявительницей законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 128¹ устанавливает повышенную уголовную ответственность за клевету (т.е. за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию), в частности совершенную публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (часть вторая).

1.1. Приговором исполняющего обязанности мирового судьи от 15 февраля 2023 года гражданка Л.Г.Рогова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 128¹ УК Российской Федерации, ей назначено наказание в виде штрафа в размере 600 тыс. руб. Данный приговор оставлен без изменения судами вышестоящих инстанций (апелляционное постановление городского суда от 4 апреля 2023 года, постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2023 года, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2024 года об отказе в передаче жалобы стороны защиты для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции).

Как установил суд, Л.Г.Рогова на почве личных неприязненных отношений и из мести в связи с земельным спором составила от своего имени в электронном виде текст публичного обращения (заявления), который содержал заведомо ложную негативную информацию в форме утверждения относительно двух лиц – депутата представительного органа муниципального образования и председателя комитета по муниципальному имуществу того же муниципального образования, в частности о том, что они, являясь ее соседями, позорят имя одной из политических партий и представляют угрозу для всего российского

общества, длительное время превышают свои полномочия и пытаются лишить ее собственности: перенесли свой самовольно установленный забор на ее земельный участок и неосновательно инициировали проведение проверок его использования. Данное обращение в форме электронного документа было направлено через официальные интернет-порталы, интернет-приемные и адреса электронной почты различным органам публичной власти, должностным лицам и организациям, осуществляющим публично значимые функции (далее также – субъекты, осуществляющие публично значимые функции), а именно: в Комиссию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам контроля за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственной Думы, и мандатным вопросам; в комиссию по этике политической партии и в региональную общественную приемную председателя этой партии; в областные отделения двух других политических партий; в администрацию муниципального образования и уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации, в котором находится земельный участок заявительницы.

Суд, признав вину Л.Г.Роговой, исходил из того, что приведенные в ее обращении сведения о злоупотреблении потерпевшими своим служебным положением и его использовании в личных целях не соответствовали действительности, т.е. являлись ложными, порочащими честь и достоинство этих лиц, подрывающими их репутацию, и расценил ее обращения как злоупотребление правом, обусловленное недобросовестными намерениями, желанием своими ложными утверждениями в отношении потерпевших причинить им вред, а не защитить свои права. Как указано в приговоре, ее недобросовестность следовала из самой сути обращения и его направления в несколько партийных организаций, не имеющих отношения к разрешению спорных вопросов в сфере земельного законодательства, а также из желания при разрешении земельного спора во внесудебном порядке извлечь

преимущества в результате сообщения различным субъектам, осуществляющим публично значимые функции, именно ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевших и подрывающих их репутацию. Кроме того, суд пришел к выводу о публичности распространения таких сведений, поскольку обращение Л.Г.Роговой было направлено по незащищенным каналам связи в сети «Интернет», его содержание стало доступным неопределенному кругу лиц, оно зарегистрировано всеми получателями и приобрело огласку, в частности потому, что уполномоченные лица готовили на него ответы.

1.2. По мнению Л.Г.Роговой, часть вторая статьи 128¹ УК Российской Федерации не соответствует статьям 29, 33, 35 и 45 Конституции Российской Федерации, поскольку данная норма в системе действующего правового регулирования и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, позволяет привлекать к уголовной ответственности за направление обращения в государственные и иные органы через их официальные интернет-приемные в рамках реализации гражданином конституционных прав на защиту, на охрану своей частной собственности и на свободное выражение собственного мнения.

Таким образом, исходя из предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу выступает часть вторая статьи 128¹ УК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о применении такого квалифицирующего признака клеветы, как ее совершение публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в случае направления лицом обращений в органы публичной власти, должностным лицам и организациям, осуществляющим публично значимые функции, посредством использования средств коммуникации с ними в сети «Интернет».

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статьи 1 и 2; статья 17, часть 1; статья 18); гарантирует каждому свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, части 1 и 4) и закрепляет право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33).

Конституционное право граждан на обращение в совокупности с другими элементами правового статуса личности позволяет им выразить свое отношение к деятельности публичной власти, проявить заинтересованность в эффективной организации государственной и общественной жизни, не только подать в государственные органы и органы местного самоуправления или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и получить на них адекватный ответ (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П, от 18 июля 2012 года № 19-П, от 4 марта 2021 года № 5-П и др.). Это право, будучи важным инструментом влияния личности на публичную власть, выступает средством оптимизации деятельности соответствующих органов и должностных лиц, разрешения цивилизованным способом противоречий, споров и конфликтных ситуаций, преодоление которых становится возможным при помощи органов публичной власти и, в частности, судов, призванных обеспечивать реализацию и защиту конституционных прав человека и гражданина.

Кроме того, по смыслу статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантиющей государственную защиту прав и свобод

человека и гражданина, во взаимосвязи с ее статьями 2, 17 и 18 государство призвано создавать наиболее благоприятные условия для общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц, обеспечения открытости их деятельности, предоставления гражданам полной и достоверной информации, касающейся процесса и результата выполнения возложенных на них функций. Из этого, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, следует, что свобода слова – не только гарантированная государством возможность беспрепятственно выражать посредством устного или печатного слова свои суждения по самым разным вопросам, но и условие эффективности общественного контроля за действиями публичной власти, а конституционное требование о недопустимости принуждения к отказу от своих мнений и убеждений адресовано государственным органам, органам местного самоуправления, политическим партиям, другим общественным объединениям, их должностным лицам, всем членам общества (Постановление от 30 июня 2011 года № 14-П и Определение от 18 сентября 2014 года № 1818-О).

Вместе с тем реализация прав и свобод предполагает следование конституционным установлениям, гарантирующим охрану достоинства личности, чести и доброго имени, а также недопустимость при осуществлении прав и свобод нарушений прав и свобод других лиц как одно из основополагающих условий соблюдения баланса общественных и частных интересов, прав и законных интересов участников правоотношений, объектом которых выступает информация (статья 17, часть 3; статья 21; статья 23, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2023 года № 44-П, от 19 ноября 2024 года № 53-П и др.). Эти конституционные установления в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет» (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года № 25-П, от 25 мая 2021 года № 22-П и др.).

Соответственно, нормативное регулирование отношений в сфере обращения граждан в органы публичной власти, к должностным лицам и в организации, осуществляющие публично значимые функции, предполагает установление федеральным законодателем соразмерных ограничений в целях достижения разумного баланса конституционных ценностей, которые по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если эти ограничения адекватны социально необходимому результату.

3. Законодательную основу регулирования правоотношений, связанных с реализацией гражданами Российской Федерации конституционного права на обращение, образует Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», который устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, распространяясь также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами (части 1 и 4 статьи 1).

Закрепляя принцип свободной и добровольной реализации гражданами права на обращение и устанавливая недопустимость нарушения при его осуществлении прав и свобод других лиц, данный Федеральный закон содержит требования, направленные на защиту чести и достоинства личности, охрану общественных отношений в сфере рассмотрения обращений граждан, а также правила противодействия злоупотреблению правом (часть 2 статьи 2, часть 3 статьи 11 и др.). При этом, определяя требования к письменному обращению и права

гражданина при его рассмотрении, законодатель не устанавливает специальных условий относительно содержания обращений, за исключением случаев, когда предусматривается возможность не давать ответ по существу поставленных в нем вопросов, а также не определяет критериев оценки обоснованности обращения, презюмируя обязательность принятия его к рассмотрению (статьи 5, 7, 9 и 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

Данный правовой механизм предоставляет гражданам достаточно широкие возможности при реализации конституционного права на обращение. В частности, гражданин может направить обращение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, даже если предполагаемое им нарушение его прав не подтверждено конкретными фактами. Такое обращение само по себе не может считаться необоснованным и исключенным из сферы действия гарантий, установленных Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а потому сообщаемые в нем сведения должны получить правовую оценку соответствующих органов или должностного лица в целях обеспечения конституционных прав и свобод обратившегося гражданина или других лиц. Письменное обращение подлежит обработке, даже когда оно содержит вопросы, разрешение которых не входит в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица: оно регистрируется и направляется в орган или должностному лицу, наделенным полномочиями для решения поставленных в нем вопросов, о чем уведомляется гражданин, направивший обращение (части 1–3 статьи 8 того же Федерального закона).

Следует учитывать, что обжалование или критика действий (бездействия) должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления или политических деятелей предполагает более высокий уровень допустимости сообщаемой информации. Это обусловлено тем, что деятельность указанных лиц носит публичный

характер и может стать объектом общественной дискуссии и критики. К служебному и неслужебному поведению таких лиц предъявляются повышенные требования в части как их профессиональных, так и нравственных качеств, что необходимо для поддержания взаимного доверия государства и общества в качестве особой конституционной ценности (статья 75¹ Конституции Российской Федерации).

3.1. В рамках осуществления дискреционных полномочий законодатель в статье 6 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» установил гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением, с тем чтобы реализация им конституционного права не вела к умалению или отрицанию других его прав и свобод, а также с целью минимизации негативного воздействия на иных лиц, чьи права и свободы могут быть затронуты сведениями, сообщаемыми в обращении. Согласно данной норме запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц (часть 1), а при рассмотрении обращения запрещается разглашение содержащихся в нем сведений, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия; при этом направление письменного обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов, не является разглашением сведений, содержащихся в обращении (часть 2).

Раскрывая конституционно-правовой смысл данных предписаний, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что они, будучи направленными на реализацию положений статей 2, 15 (часть 2), 17, 33 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, выступают гарантией права на обращение в органы публичной власти, исключающей

распространение неопределенному кругу лиц сведений о содержании обращения, тем более относящихся к частной жизни гражданина (определения от 22 декабря 2015 года № 2906-О и от 25 января 2018 года № 62-О). Соответственно, действующее правовое регулирование устанавливает особый (ограниченный) режим использования органами публичной власти и их должностными лицами информации, содержащейся в обращениях граждан, не предполагающий ее необоснованного (не связанного с проверкой указанных в обращении сведений) разглашения. При этом обязанность обеспечить неразглашение сведений (если они содержатся в обращении), касающихся частной жизни или иным образом затрагивающих достоинство других (третьих) лиц, и исключить доступ неопределенного круга лиц к таким обращениям и к содержащимся в них сведениям возлагается на орган публичной власти; ответственным за сохранение конфиденциальности ставших известными из обращения сведений является должностное лицо, обязанное дать ответ на обращение.

3.2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что в системе действующего правового регулирования само по себе обращение в орган публичной власти – даже с учетом потенциально возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, – будучи конституционно необходимым средством защиты частных и публичных интересов, обусловленным целью получения содействия в реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как неправомерное распространение (разглашение) этой информации (Постановление от 18 января 2024 года № 2-П; определения от 5 декабря 2019 года № 3272-О и от 26 марта 2020 года № 540-О).

Тем самым правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятные правовые последствия, тем более в форме уголовной ответственности (Постановление Конституционного Суда Российской

Федерации от 20 декабря 1995 года № 17-П). Однако выход за установленные федеральным законодателем пределы реализации конституционного права на обращение объективно может создавать угрозу конституционным правам и свободам других лиц и охраняемым публичным интересам, а потому предполагает допустимость введения законодательных ограничений в данной сфере, связанных в том числе с привлечением к ответственности. Иное понимание существа права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, по сути, означало бы незащищенность лица, о действиях которого, носящих якобы противоправный характер, информируются на систематической основе эти органы с целью причинения ему вреда (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 года № 3272-О).

4. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Поскольку уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления

от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Таким образом, по смыслу приведенных правовых позиций отсутствие противоправности деяния исключает и его уголовную наказуемость. Иное – в нарушение требований статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации о том, что никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, конкретизированных в статье 14 УК Российской Федерации, признающей преступлением лишь виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное этим Кодексом под угрозой наказания, – приводило бы к возложению уголовной ответственности за деяние, которое не является противоправным.

4.1. Определяя в части первой статьи 128¹ УК Российской Федерации состав такого преступления, как клевета, федеральный законодатель в качестве криминообразующего (составообразующего) признака его объективной стороны установил именно распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, с учетом чего способы совершения этого деяния должны оцениваться судами в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что вопрос об ответственности за преступление, предусмотренное этой нормой уголовного закона, применительно к деянию, сопряженному с обращением в государственные органы и органы местного самоуправления, в том числе квалификация этого деяния в качестве преступления, подлежит разрешению на основе исследования фактических обстоятельств в системной связи с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Само по себе обращение в указанные органы, связанное с реализацией конституционного права лица на обращение, не ведет к распространению (разглашению) содержащейся в нем информации. Систематический же

характер такого рода обращений граждан, т.е. использование конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления путем постоянного направления информации, вынуждающего эти органы неоднократно проверять одни и те же факты, указанные в обращениях, может свидетельствовать о намерении причинить вред лицу, о противоправных действиях которого содержалась информация в обращении (Определение от 5 декабря 2019 года № 3272-О).

Поэтому такая форма злоупотребления правом (тем более в случае повторного обращения в государственные и иные органы, которые уведомили гражданина о своей оценке изложенных в его обращении обстоятельств, надлежаще ее обосновав, или повторного его обращения по тем же обстоятельствам в эти органы, ранее аргументированно сообщившие ему о том, что поставленный им вопрос не входит в сферу их компетенции, т.е. когда гражданину должна быть очевидна бессмысленность подобного повторного обращения) может рассматриваться в качестве распространения сведений. Едва ли может быть признано правомерным и такое поведение, при котором гражданин, обращаясь за содействием в осуществлении или защите своих прав и свобод, рассчитывает на получение преимуществ при разрешении возникших трудностей путем намеренного распространения о других лицах заведомо недостоверных и порочащих сведений (тем более в оскорбительной форме).

Применительно к такого рода злоупотреблению правом Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает право органов публичной власти и должностных лиц оставлять письменное обращение гражданина без ответа по существу поставленных вопросов, если в нем содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, и право их руководителей, должностных лиц либо уполномоченных на то лиц принимать решения о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по вопросу, на который ему неоднократно давались

письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, когда в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства (части 3 и 5 статьи 11).

В любом случае выяснение того, было ли обращение гражданина в органы публичной власти обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу, подлежит установлению на основе фактических обстоятельств конкретного дела (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 года № 2858-О) и с учетом положений законодательства, обеспечивающего реализацию конституционного права граждан на обращение, а также определяющего порядок взаимодействия граждан с органами публичной власти в процессе рассмотрения таких обращений (предложений, жалоб, заявлений).

4.2. Часть вторая статьи 128¹ УК Российской Федерации усиливает уголовную ответственность за клевету, совершенную публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Согласно разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, под информационно-телекоммуникационной сетью в соответствующих статьях Особенной части УК Российской Федерации понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники; для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются; при этом следует иметь в виду, что сеть «Интернет» является одним из их видов; при квалификации преступлений, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», должно быть установлено, что лицо осуществляло такие действия умышленно, осознавало содержание и общественную опасность соответствующих действий, включая характер распространяемой,

рекламируемой или демонстрируемой информации, предоставление доступа к ней широкому кругу лиц, а также должны быть установлены другие обстоятельства, имеющие значение для юридической оценки содеянного (пункты 17 и 23 постановления от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»).

Современные технические способы коммуникации, включая сеть «Интернет», существенно снижают затраты на передачу информации по сравнению с традиционными методами, обеспечивая упрощение и ускорение процесса информирования как широкой аудитории, так и отдельных лиц. Данные преимущества могут быть использованы для совершения противоправных действий, что усугубляет негативные последствия для различных участников общественных отношений. Неслучайно к обстоятельствам, отягчающим наказание, законодатель отнес совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (пункт «т» части первой статьи 63 УК Российской Федерации). Кроме того, аналогичное обстоятельство названо в качестве квалифицирующего признака для различных составов уголовно наказуемых деяний (например, пункт «о» части второй статьи 105, пункт «и» части второй статьи 126, пункт «б» части второй статьи 150, пункт «д» части второй статьи 322¹ и др. УК Российской Федерации). Характеризуя признак публичности применительно к составу преступления, предусмотренного статьей 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отметил, что указанные в данной статье действия признаются совершенными публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, выступления на собраниях, митингах,

распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц) (абзац первый пункта 7 постановления от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»). Верховный Суд Российской Федерации таким образом обращает внимание судов на многообразие форм публичности распространения информации в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Соответственно, использование для совершения клеветы информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», является квалифицирующим признаком состава преступления, предусмотренного частью второй статьи 128¹ УК Российской Федерации, в тех случаях, когда у распространяющего сведения лица имеется осознанное намерение адресовать их именно таким образом или сделать доступными широкому (неопределенному), т.е. с очевидностью выходящему за пределы адресной рассылки, кругу лиц.

Если же органы публичной власти, должностные лица и организации, осуществляющие публично значимые функции, для информационного взаимодействия с гражданами обеспечивают возможность подачи им обращения через официальные интернет-сайты или иным аналогичным образом, то обязанность исключить доступ неопределенного круга лиц к таким обращениям возлагается на этот орган, организацию или должностное лицо, поскольку для гражданина электронная коммуникация предполагает соблюдение общих конституционных гарантий, включая право на тайну переписки, гарантированное статьей 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Данное конституционное предписание нашло отражение во многих федеральных законах, регулирующих взаимодействие государства и граждан, а также связанные с этим вопросы обработки информации, защиты

персональных данных, предоставления государственных и муниципальных услуг и использования средств связи.

4.3. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, принципы правового государства и справедливости предопределяют необходимость формальной определенности и непротиворечивости правового регулирования при согласованности предметно связанных между собой норм разной отраслевой принадлежности, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания нормы, исключающего противоречивую правоприменительную практику и предполагающего одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях. Иное ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 июня 2013 года № 15-П, от 22 апреля 2014 года № 12-П, от 14 июля 2015 года № 20-П и др.).

Согласно Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» обращения граждан направляются в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», иной информационной системы государственного органа или органа местного самоуправления либо официального сайта государственного органа или органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию граждан (если иное не установлено данным Федеральным законом); бумажная (письменная) и электронная формы обращения, по сути, равнозначны (пункт 1 статьи 4; статья 7; часть 4 статьи 10 и часть 5¹ статьи 11). Особый же порядок направления обращений в форме электронного документа требуется лишь в целях обеспечения безопасности граждан в связи с их обращениями в органы,

осуществляющие оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации (часть 3 статьи 6).

Следует различать сообщение, содержащее порочащие сведения, направленное через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», осуществляющим публично значимые функции субъектам, когда такой способ коммуникации специально предназначен для официального персонифицированного обращения в государственные органы, органы местного самоуправления, от обращений к тем же субъектам посредством использования иных способов коммуникации, прямо не предназначенных для подачи гражданами конкретных обращений, когда сообщенные сведения изначально становятся доступными широкому (неопределенному) кругу лиц (электронные блоги, форумы, каналы, интернет-страницы и т.п.).

Соответственно, прямо предусмотренная возможность (равно как и ее реализация) направления гражданином обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в форме электронного документа посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», как предполагающая переписку только с конкретным адресатом (даже если такой адресат не является единственным), обязанным сохранять конфиденциальность получаемых сведений, не обуславливает (не предполагает) квалификации такого обращения в качестве публичного распространения информации и не должна приводить к усилению уголовной ответственности за клевету. Иное порождало бы конституционно недопустимую рассогласованность положений уголовного закона и Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», свидетельствовало бы о публичном характере любых обращений, направляемых субъектам, осуществляющим публично значимые функции, в прямо предусмотренном законом порядке в форме электронного документа или посредством использования специальных разделов официальных сайтов (порталов, адресов электронной почты) таких органов и должностных лиц, и придавало бы этим

обращениям характер распространения информации, а потому приводило бы к отступлению от конституционного принципа равенства и правовой определенности, порождало бы угрозу ответственности за разрешенное законом действие, что вступало бы в противоречие с требованиями статей 15 (часть 2), 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

5. В соответствии с частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в случае, если Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление, предусмотренное пунктом 1¹ или 2 части первой статьи 87 данного Федерального конституционного закона, конкретное дело, в котором был применен оспариваемый нормативный акт, подлежит пересмотру в обычном порядке при условии, что в постановлении содержится указание на необходимость такого пересмотра.

Содержащееся в пункте 3 резолютивной части настоящего Постановления указание на то, что судебные решения, вынесенные по делу заявительницы на основании части второй статьи 128¹ УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий, предполагает при квалификации совершенных ею действий как обязанность суда оценить – исходя из правовых позиций, сформулированных в настоящем Постановлении, – факты направления Л.Г.Роговой обращений в органы публичной власти с использованием сети «Интернет», так и необходимость учесть иные обстоятельства конкретного дела, касающиеся направления ею иным адресатам предположительно ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевших или подрывающих их репутацию.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть вторую статьи 128¹ УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает оценки переписки с органами публичной власти, должностными лицами и организациями, осуществляющими публично значимые функции, через официальные средства коммуникации с ними в сети «Интернет» (при которой использование данной сети является лишь способом направления обращения в письменной форме, не предполагающим доступности его содержания широкому (неопределенному) кругу лиц) в качестве публичного распространения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», дающего основания для квалификации данного деяния по этой части названной статьи.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части второй статьи 128¹ УК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные решения, вынесенные по делу гражданки Роговой Лилии Геннадьевны на основании части второй статьи 128¹ УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявлением в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 43-П